Людмила ДЕЙНЕГА (п. Мостовской Краснодарский край) **В ЛУЧАХ СОЛНЦА**

(рассказ-быль)

Впервые он увидел ее в лучах солнца. Он еще не разглядел ее лица, но точно знал, что оно будет родным и близким. Она стояла на другой стороне небольшого сельского канала наверху недостроенного дома, на котором не было крыши. Ее волосы до пояса, золотистые как у русалки, переливались под июльским солнцем, она рукой убирала со лба распущенные пряди и подставляла свое запрокинутое лицо горячим лучам. Он сразу отметил ее девичью грудь и безупречную фигурку, в которой нельзя было придраться ни к чему.

Любуясь этой спортивной на вид девушкой, он прилег и взял в руки бинокль. Бинокль был мощным, его брал с собою Толик, когда уходил в море. Толик был мужем его матери, с которой познакомился недавно на курорте за границей. Явно младше статной красивой мамы, Анатолий старался перед нею как мог: задаривал детей разными заморскими штучками, не исключая импортного барахла.

Володя приехал в эту «дыру» подышать свежим воздухом, отдохнуть, набраться сил. Душевная депрессия не проходила. «Крестная» закармливала, чем могла, Женька — сестра, младше на семь лет — «доставала» по утрам, ноя, чтоб он забирал ее с собой. Вовка, несмотря на свои шестнадцать лет, уже познал прелести жизни и высоких наград. Он стал чемпионом Мурманска по лыжам, его заметил московский тренер и

пригласил в сборную. Успех дался ему легко. Легко став чемпионом Европы по юношам, он рассчитывал покорить мир. Тем более, что он к тому же мастерски играл в теннис, баскетбол и волейбол, был прекрасным пловцом. Он любил спорт. До того момента, как получил травму и долго валялся в больнице. Когда его выписали из больницы, большой спорт ему уже не светил, а малым он заниматься не собирался. За время больничного покоя Володя научился здорово играть на гитаре, а баян освоил еще до седьмого класса, потому что окончил с отличием музыкальную школу. В музыке ему пророчили большое будущее, он хорошо пел, и мама — преподаватель вокала — мучила его пять лет своими занятиями, надеясь, что сын пойдет по ее стопам.

Володин отец был известным хирургом в Чечне, мама «нагуляла» Вовку в пятнадцать лет. Ее возлюбленный, красавец-чеченец, свою семью не бросил, но окружил Анну вниманием и комфортом. В очередной раз отправив ее на отдых, седой хирург вскоре пожалел об этом. Анна отхватила там себе начальника летной военной эскадрильи. Но прожив с ним десять лет и родив курносую Женьку с неугомонным как у отца характером, она нашла летчику замену, встретив на юге Италии Анатолия — неотразимого штурмана российского флота.

Толик дико ревновал Анну, но вида никогда не показывал. Друзья называли его «тамбовский волк», ибо там он как раз и родился. Кроме Анны, в его жизни не было никого. Он воспитывался в детском доме, так что ни Володька, что был выше его на голову и младше всего на восемь лет, ни Женька с ее черными глазищами, Толику любить жену не мешали. Он даже гордился тем, что Женька сразу стала называть его папой или папульчиком…

В тот летний день Вовка наслаждался, потому что встретил девушку, о которой мечтал с седьмого класса. В бинокль он рассматривал каждую точечку загоревшего молодого тела. Сразу представил эту высокую девушку в красивых нарядах на высоких каблуках и поющую в каком-нибудь кабаре что-то типа: «Эй, моряк, ты слишком долго плавал… Я тебя успела позабыть!» Он так размечтался, что упустил «объект»: девушки на крыше уже не было. Поводил биноклем — нет. Вовка до вечера тщетно ждал «златовласку». Не было ее и на следующий день... Девушка с золотыми длинными волосами словно исчезла навсегда. Он искал ее глазами в любой сельской толпе. Она будто растворилась. Мать уговаривала Володю остаться у тетки — «крестной» — и наконец-то окончить школу. В надежде еще раз увидеть «златовласку» он согласился. Школа, куда пришел Владимир вместе с матерью, ему не понравилась. Окна, выкрашенные синей краской, напомнили ему больницу, директор — главврача, тоже пьющего и такого же рыжего.

А вот физрук Вовке обрадовался. Как же! Мастер спорта международного класса!

Первого сентября на линейке десятки внимательных девичьих глаз буквально высверлили в нем несколько основательных дырок... Вовка только широко улыбался, ни капли не смущаясь.

В свой 10 «Б», куда его определили, он вошел последним — высокий красавец. Спокойно осмотрел диспозицию и отправился на «Камчатку». За последней партой было свободное место, к нему-то парень и направился.

— Можно? — спросил у соседки. Та подняла на него глаза.

Тут-то Вова и остолбенел. Его «златовласка»! Его мечта! Она отбросила пряди со лба и пожала плечами. Спортсмен впал в ступор, затоптался, как стреноженный конь и не мог пошевелиться до тех пор, пока его место не заняла какая-то рыжая девчонка, которая тут же показала ему язык и начала шумно выкладывать из сумки учебники, одновременно вовлекая свою соседку в какой-то пустой и никчемный разговор. Пришлось искать другое место – не устраивать же скандал на ровном месте…

Он уселся недалеко, повернулся к своей мечте. Да, чтобы смотреть на нее целыми уроками, о таком не может быть и речи… Жутко неудобно вертеть головой на виду у всего класса. Оставалось считать случайные взгляды. По два-три за урок… Какая уж тут учеба…

«Все, влип», — про себя подумал Вовка. Но он сам этого хотел. Что ж, получай, чемпион!

На переменах он подходил к ее парте и смотрел на ее тетрадки. У классной доски он видел только ее… Потом началась какая-то глупая производственная практика. Сентябрь и октябрь. Розовый берет «златовласки», да и то где-то, всегда где-то… Нет, так не пойдет. Он, блин, чемпион или рохля?

— Слушай, ты, по-моему, в черчении вообще не петришь, да?

Она посмотрела на Володю и опять только засмеялась. И нисколько не обиделась. Он сам предложил ей делать за нее чертежи, она согласилась, да кто же откажется от такой помощи? Да и черчение – это было так далеко от того, что она любила…

Люда любила читать и потом рассказывать прочитанное. За это ее сейчас называли «профессором».

А «атаманшей» ее называли раньше, не сейчас… Ну, когда она еще дралась с мальчишками. Ведь давно известно – девчонки, пока у них еще нет тех милых округлостей, которые делают лиц противоположного пола ручными, делятся на «тихонь» и «атаманш». А потом атаманши становятся тихонями, а тихони, зачастую, атаманшами. Ну, потом, когда вырастают… А пока Люда была «Профессором». Но черчение все равно не любила…

Вовка вдруг, неожиданно для себя, начал писать стихи. И, естественно, посвящать их ей…

Он не провожал ее домой, только завидовал тем, кто шел с ней рядом. Но зато придума л способ видеть Люду наедине. Вовка привозил ей в парк чертежи на своем новом спортивном велосипеде. Она приходила туда вместе со своей маленькой сестренкой, которая называла Люду то няней, то мамой, то Людочкой. Она была такая же красивая, как и Люда. И очень похожа на нее. Так что Вовка мог представить «златовласку» совсем маленькой девочкой.

На школьный вечер Владимир пригласил ее запиской, она ответила: «Да». Он прождал у ворот два часа, девушка пришла. Люда была в легком красивом платье и белых босоножках. Пока дошла, замерзла, Вовка демонстративно при всех набросил на ее плечи свой заграничный, привезенный Толиком, пиджак.

* * *

У учительницы математики Любовь Николаевны была трудная судьба. Во-первых, она, как и большинство педагогов, не любила детей. Во-вторых, ее муж ушел к другой. Ушел на взлете, когда казалось, что все хорошо. Это взбесило. Ушел не по-деревенски интеллигентно, тихо, что взбесило еще больше. Избранницей его была коллега Любовь Николаевны, классная руководительница Люды и Володи. Жизнь Любовь Николаевны была гнусна… Хотелось портить ее всем подряд. Особенно почему-то красивым и успешным. Например, Людмиле.

— К доске пойдет…

И посмотрела на Люду.

Задача, которую предложила у доски решить Людмиле математичка, была из серии тех, что не имеют одного корректного решения. Любовь Николаевна это знала, Люда, естественно, нет…

Отличница маялась у доски, страдала от того, что у нее не получается… В ней страдали и «Профессор» и уснувшая было «Атаманша».

И все это для чего, спросите вы? А вот для чего. Чтобы Любовь Николаевна, у которой муж ушел к другой, могла сказать что-нибудь ехидное. Она и сказала:

—Да, Людочка, это тебе не в пиджачках мальчиков глазки строить, это – математика!

Нет, каково? Перед всем классом… Ай-яй-яй… Стыдно, Любовь Николаевна.

В Людмиле тут же проснулась «Атаманша» и она выпалила: «Я, Любовь Николаевна, всегда думала, что все учителя умные, а вы, оказывается, дура!»

Она бросила мел и выбежала из класса. Вовка кинулся следом. Она летела домой без пальто и не чувствовала холода. Дома объявила родителям, что в школу больше не пойдет.

Класс разбушевался. Бойкот «математичке»! Отец Людмилы идет к директору школы с намерением набить кому-нибудь физиономию, потому что — что ж это такое, товарищи, но умный директор уже принял меры — он ищет замену Любовь Николаевне…

Мудрая Любовь Николаевна не стала особо комплексовать и извинилась перед гордой ученицей. Конфликт замяли. Математичка осталась в школе, «златовласка» — тоже.

И всем стало ясно, что это — любовь. Как в кино и книжках. А ранним летом, в начале июня, Вовка впервые поцеловал Людмилу.

Надо сказать, что в южных краях в это время спеет клубника. Самая крупная и сладкая — первая…

Накануне они поссорились. Естественно, из-за ерунды. Горячая чеченская кровь отца вскипала в сыне всякий раз, когда Люда улыбалась кому-нибудь другому. На этот раз причиной ссоры было то, что ее угощал пирожками из школьного буфета «экономный» Толька Минин. Этого было достаточно, чтобы Минин на другой день ходил с «фингалом». Вовку за глаза давно уже называли Отелло.

Так совпало, что у каждого из них были по сию пору свои сборы. У Вовки — спортивные, в связи с краевыми соревнованиями. А Людмилу вместе с одноклассниками отправили на сбор первой клубники. Команду спортсменов оставили в школе. После соревнований Вовка отправился за поселок. Там, увидев Людмилу, Вовка не выдержал: подошел к ней,

извинился, вызвался проводить после работы. Возле большого цветущего куста калины он отбросил свой велосипед, со всей силой прижал Люду к себе и поцеловал — в пахнущие клубникой губы. Люда прижалась к нему всем своим горячим телом.

На выпускном их парой любовались. Мама с Толиком «отгрохали» Вовке сногсшибательный костюм, Люда была в скромном белом платье. Розовые гвоздики украшали декольте. Люда танцевала со всеми подряд, Вовка то и дело выходил на разборки с пацанами.

Перед рассветом Владимир шокировал всех. Вначале он исполнил перед Людмилой чеченский танец, а потом взял гитару Витки Штепина и сразил всех наповал исполнением модных песен. Люда целовала его на виду у всех.

* * *

Через три часа они простились на их лавочке. Вовка уезжал в МГУ (спортсменам в главный вуз страны была открыта не улочка — бульвар). Люда в Москву ехать забоялась, да и родители сразу определили — краевой центр, педагогический, филфак, сама же хотела…

После экзаменов перед зачислением Люда сидела на лавочке возле родного дома и обсуждала с подружками своего Володю. Хвасталась – сдал три экзамена на пятерки…

— Забудет он тебя, Людка. Видишь, как поет и танцует! Москвички украдут, — хохотали подружки.

— У меня? Да если я захочу, он даже последний экзамен сдавать не станет, а вмиг ко мне примчится. Спорим?

Эх, девка… Это тебе было надо – давать телеграмму с грозными словами: «Если любишь – приезжай!»

Володя прилетел на следующий день.

В институт на очное Людмила не поступила, на ее место взяли какого-то кубинца по обмену… Устроилась фотографом, оформилась в свой педагогический на заочное. На все предложения Володи выйти за него замуж только посмеивалась.

Вовка часто сидел со своим другом Витькой в ресторане, пел песни и дрался с местной братвой из-за Людмилы. В порыве ревности дважды пытался покончить с собой.

В конце концов Анна уехала в Новороссийск ближе к Толику и забрала туда семью. Из Новороссийска Вовку и проводили в армию. Оттуда он писал Людке по два-три письма в день, высылал много фотографий и строил планы на жизнь.

А у ворот Людкиного дома сохли по ней женихи. Людмила то вроде бы серьезно увлеклась приезжим Валентином, умным молодым человеком старше ее на шесть лет, то переключилась на одноклассника Диму, которого еще в школе за угрюмый нрав все называли Димычем. Дима поступил из-за нее в мореходку, а Валентин прилетал к ней на самолете отца, очень большого в стране начальника по строительству аэродромов.

Тут из армии вернулся Вовка и нарушил все планы. Вместо того, чтобы лететь в Ленинград на свадьбу с Валентином, Люда расписалась в местном загсе с Володей. Роман с Димычем вообще вышел роковым. Узнав, что его любимая стала чужой женой, он основательно подсел на героин.

* * *

Они поселились у «крестной». По древней русской традиции, Володя начал пить. Вначале тихо. Пел в ресторане и пил. Пропивал семейные деньги. Потом случился скандал. Людмила собрала вещи и ушла к матери.

Странная эта жизнь грозила немного наладиться, когда Володя пообещал жене уехать и вдали от нее исправиться.

— Приходи на вокзал проводить, — попросил муж. — Мы же не чужие…

Она пришла. Поезд уже отходил от перрона, когда Люду подхватили на руки Вовкины друзья и впихнули в двигающийся поезд. Вовка страстно целовал ее руки, кричал в вагоне: «Я люблю тебя…»

На первой же станции Люда, пообещав приехать к нему, когда все уладит с работой, сошла…

Она не поехала к нему ни через месяц, ни через три, ни через год. Писем друг другу они не писали. Ждали… чего, спрашивается?

Потом Толик забрал Вовку с собой в рейс, а Люда от Женьки узнала о каком-то

скоропалительном романе Вовки на корабле. В тот же злополучный день Люда подала на развод. Вовка назло ей женился. Неудачно. Роман на корабле окончился на суше рождением дочки. А потом был еще один брак — с начальником планового отдела автозавода. Зинаида была старше Вовки на восемь лет и безумно его любила.

Но он бросил и ее. Он все вспоминал каждый свой шаг за уходящим в обратную сторону поездом Люды. Рассеивающийся утренний туман тогда скрывал слезы в его глазах…

Теперь мастер спорта международного класса жил с бригадиршей Валей, с которой вместе закупали после получки два ящика водки и выпивали дома в вагончике. Фотографию Людмилы он не убирал никогда, она всегда стояла рядом на тумбочке…

Димыч разбился насмерть на мотоцикле ранней погожей осенью, когда лучи восходящего солнца нежились в золотистой листве берез…

* * *

Людмила поздно вышла замуж за местного парня. К тому времени она уже окончила институт и работала в школе учителем русского языка и литературы. Своему мужу — тоже Володе — она родила прекрасных белобрысых девчушек «златовласок»…

Однажды Людмила, когда была на учительских курсах в краевом центре, возвращаясь поздно из театра на троллейбусе, стоя на последней площадке, на повороте возле рынка в толпе у ресторана увидела свою «первую любовь». Он стоял вполоборота в очень модном дорогом пальто. Увидев ее в свете неоновых ламп, как когда-то в лучах солнца, Владимир так же остолбенел, как и в классе много лет назад. Троллейбус

медленно проплывал рядом. Вовка бросился к такси. Люда, заметив это, сразу вышла на следующей остановке, впопыхах забыв свой раскрытый белый зонт «в горошек», и тоже села в ночное такси. На заднем сиденье за темным тонированным стеклом крутой частной иномарки она видела, как ее Вовка метался по салону троллейбуса, который догнал на второй остановке. Он долго разговаривал с водителем, а потом медленно сошел и дрожащими руками стал прикуривать от зажигалки. В свете фар она видела незабытый взгляд темных глаз. Минуты две он пристально смотрел в сторону такси, в котором, как мышь, застыла она в ту минуту. Взгляды их, наверно, пересеклись. Людмила вздрогнула и почувствовала боль своего до той поры никогда не болевшего сердца.

— Ну что, со свиданьицем?! — как-то вопросительно и понимающе сказал водитель. Она очнулась. «Поехали…» — ответила тихо и заплакала навзрыд. В сознании всплывал каждый миг прожитой жизни…

Больше они никогда не встречались.

На ставшими модными встречи одноклассников Вовка не приезжал. Друзьям написал коротко: «Боюсь ее увидеть…» Люду дважды посещала его сестра Женька — модница и любовница большого директора. Она тоже дважды выходила замуж и растила двоих сыновей, очень похожих на нее. Женька любила Людку по-своему: нежно и трогательно. Все новости их семьи Люда узнавала от нее…

… Скамьи, что помнила свидания Людмилы и Володи, давно нет. Нет и старой почты, на порожках которой они целовались. Зато все помнит большая, старая, развесистая липа, которая, зацветая каждой весной, так же, как и тогда, пахнет, купаясь в лучах солнца… А ее желтые пряные соцветия похожи на золотые пряди волос Люды, которые покрыты теперь густой сединой и оттеняют большие серые уставшие глаза и ямочку на щеке — ту, которую не удалось по сей день забыть Вовке, часто перебирающему старые, пожелтевшие письма Люды в армию. Во снах он снова и снова видит ее на крыше в лучах ослепительного июльского солнца…